

АБОРИГЕНЫ В ГОРОДЕ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ЖИТЕЛЕЙ МАГАДАНА¹

Людмила Хаховская

Аннотация. В статье представлены результаты авторских исследований современных этнокультурных процессов в среде жителей г. Магадана, принадлежащих к числу коренных малочисленных народов Севера. Фактический материал, полученный в результате полевой работы, рассмотрен в русле теоретического осмысления современных идентичностей, миграционных потоков, городских микросюжетов и повседневности. На основе сложившихся культурных практик выделены уровни проявления этнической отличительности северных аборигенов в городском пространстве. Показано, что этноориентированную деятельность в условиях города ведут особые специалисты по межэтническому взаимодействию, среди которых обозначены такие социальные позиции, как чиновник, культурработник, свободный художник и предприниматель. Механизм формирования и поддержки аборигенной этничности заключается в продвижении культурных практик и артефактов внешними средствами, через государственную деятельность, поддержку партнеров по бизнесу, заинтересованность окружающего населения. Обосновывается эффект «этнического резонанса» как ответа на ситуации межэтнического взаимодействия, в результате которого культура коренных малочисленных народов Севера постоянно переформатируется, обретая новационное содержание.

Ключевые слова: коренные народы Севера; аборигены; Магаданская область; урбанизация; этничность; современные процессы; социальные роли; этнические лидеры

В статье поставлена цель рассмотреть социокультурные аспекты этнически значимого поведения тех представителей коренных малочисленных народов Севера (КМНС), которые проживают в городской местности Магаданской области (прежде всего, это население областного центра – г. Магадана). Показано, каким образом проявляется этническая специфика в условиях города, в какие формы и движения она канализируется, какое влияние этноориентированная деятельность оказывает на коренных северян (в отечественной антропологической литературе их принято называть также аборигенами) и окружающее сообщество.

Аборигены Севера в современном городском пространстве являются дважды меньшинствами, и это следствие советских и постсоветских

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 14-01-00061а «Культурно-историческое развитие коренных народов Чукотки в советский и постсоветский период».

модернизаций. Промышленное освоение центрально-колымских районов привело к тому, что на рубеже 1920-1930-х гг. коренные жители уже не преобладали на этих территориях, и с каждым десятилетием, вплоть до 1990 г., численность так называемого пришлого населения росла быстрыми темпами. В постперестроечные годы вектор российского фронта меняется на прямо противоположный, но даже этот отток не привел к восстановлению статуса аборигенов как большинства – пропорции в численности «аборигены/неаборигены» сегодня установились примерно на уровне 1939 г. (1 к 30), тогда как в наиболее благополучный 1989 г. соотношение было выше более чем в два раза (1 к 70).

Между тем ситуация в регионе качественно изменилась: создана мощная промышленная и социальная инфраструктура, выросли города и поселки, произошла урбанизация населения. Аборигены переселялись и продолжают переселяться в город, так что в некоторых регионах большая часть их стала горожанами, однако в численности последних они занимают лишь незначительную долю. В итоге, этнические подвижки часто имеют характер локальной миграции (освоение аборигенами города) и наиболее заметные процессы развития аборигенной культуры разворачиваются на городской «сцене». Поскольку в последние десятилетия объектность и проблематика антропологических работ в значительной мере сместилась на урбанизированную среду и постмодерные вопросы, тема этноменьшинств-горожан получила обширную историографию в нашей стране и за рубежом (В поисках..., 2005; Крайний Север..., 2010; Schlee, 2013). Исследования лежат в русле теоретического осмысления современных идентичностей, миграционных процессов, городских микросюжетов и повседневности (Север и северяне, 2012; Anderson, 2000; Habeck & Ventsel, 2009).

Не претендуя на широкое теоретическое обобщение, наша работа через призму таких подходов показывает этнокультурный аспект современной истории коренных северян. Этноориентированная деятельность аборигенов в городе описывается также на основе концепций социальных идентичностей и ролей (Tajfel, 1974; Turner, 1975). Социальная роль – это модель поведения, обусловленная ожиданиями определенных групп, в данном случае по крайней мере трех – референтного сообщества (носители этнической культуры), окружающего большинства (потребители и зрители) и запрашивающих структур (органы власти, общественные организации, бизнес, рынок). Автор придерживается также положений интеракционистского подхода (Goffman, 1956; 1969), социального конструирования (Соколовский, 2012; Kasten, 2005; King, 2011), обращающих внимание не только на ролевые паттерны, но и на процессуальность – активное конструирование, поддержание и ревизию достигнутых этнических «образцов», на неопределенности и противоречия на границе взаимодействий «аборигены/неаборигены» в

городской среде. При написании работы использованы материалы этнографических наблюдений автора, интервью, сведения статистики и текущий документооборот.

Аборигены в городе: этнодемографический облик

Магаданская область (в современных границах) с момента своего возникновения (1953 г.) и по настоящий день является одним из наиболее урбанизированных российских регионов. Начиная с 1930-х гг., эта территория становится зоной горнодобывающего производства, новые поселения здесь возникают как инфраструктура золотодобывающей промышленности. Лишь те населенные пункты, в которых проживали, преимущественно, коренные жители – это прибрежные села, возникшие еще в XVII-XVIII вв., а также образованные в 1920-1930-х гг. центры оседания кочевников – вплоть до начала 1990-х гг. сохраняли сельскохозяйственную специализацию. Во второй половине XX в. крупные поселки и районные центры развивались интенсивнее, чем эти небольшие поселения, поэтому сельские жители коренного происхождения постепенно переселялись в городскую местность, в последние десятилетия этот процесс усилился. Непрерывную урбанизацию демонстрируют данные о возрастании доли городских жителей в составе КМНС (1979 г. – 33,5%; 1989 – 42,3; 2002 – 58,2; 2010 – 69,0) (подсчитано по: Справочник..., 1991; Справочник, 2003; Сборник..., 2005; текущие сведения областной администрации). Таким образом, большинство коренных жителей Магаданской области к настоящему времени проживает в городской местности (города и поселки городского типа).

Абсолютные показатели говорят о том, что лидером по числу коренных жителей является областной центр: здесь проживает 1416 представителей КМНС, из общего их числа в 6179 чел. (здесь и далее данные мэрии г. Магадана, на 01.01.2010 г.), или почти каждый четвертый абориген. Этническая принадлежность аборигенов-горожан распределилась таким образом: эвены 526 чел., ительмены 334 чел., чукчи 165 чел., коряки 104 чел., камчадалы 86 чел., ессейские якуты 53 чел., чуванцы 51 чел., юкагиры 21 чел., эскимосы 18 чел., другие 58 чел. В половозрастном плане среди аборигенов-горожан заметно преобладание женщин (59%), особенно в группе лиц старших возрастов (мужчины 60+, женщины 55+). Удельный вес детей (до 16 лет) среди аборигенов достигает 29,4%, что превышает соответствующий показатель в целом по области на 12%, доля лиц трудоспособного возраста 61,2%, (ниже на 8,7%), меньше и доля лиц старших возрастов. Такое положение обусловлено как демографическим поведением коренных жителей (их семьи более многодетные), так и другими причинами – меньшей продолжительностью жизни и характером внутриобластной миграции

(в город переселяются более молодые люди). Если учесть, что и в целом по региону аборигенное сообщество находится в состоянии «демографической молодости», а население области переживает «преддверие старости» (по шкале Э. Росseta), то можно прогнозировать дальнейшую активную урбанизацию. Сдерживающим фактором может послужить лишь «квартирный вопрос», особенно острый для молодежи: *«Всю зиму пыталась работать в Магадане, но вот жилья нет. Жилья нет, естественно, туда я не еду... А так желание есть работать. Было бы жилье, поехала бы в Магадан... В городе работы море, а жилья нету»* (Полевые материалы автора (ПМА), интервью от 05.04.2005 г.).

В структуре трудовой занятости городских аборигенов (число лиц трудоспособного возраста 809, из них трудозаняты 397, безработных 187) преобладают профессии, не требующие высокой квалификации. Вместе с тем, имеется достаточное число специалистов, занятых квалифицированным трудом в здравоохранении, образовании, промышленности и других сферах экономики. Некоторые коренные горожане работают вахтовым методом на предприятиях горнодобывающей промышленности (8 чел.), сформировался слой предпринимателей (21 чел.). Среди лиц трудоспособного возраста высока доля учащейся молодежи – школьников старших классов и студентов (159 чел.). Практически каждый пятый абориген этой возрастной категории обучается. Этим обусловлено преобладание женщин – их среди учащихся и студентов почти в два раза больше, чем мужчин; многие из них – мигранты из районов, после окончания учебы остающиеся в областном центре. Среди аборигенов-горожан трудоспособного возраста имеются также пенсионеры, инвалиды, осужденные, военнослужащие (66 чел.).

Приведенные данные показывают высокую безработицу среди аборигенов, но важно знать, что речь идет о сведениях официальных, но получаемых со слов самих горожан коренной этнической принадлежности во время ежегодной перерегистрации в соответствующем отделе («По связям с общественностью и национальным вопросам») мэрии Магадана. Как сообщила сотрудница отдела, официально состоят на учете как безработные лишь единицы, а другие *«не делают этого, так как им предлагают вакансии дворников, уборщиц, вахтеров и так далее, а их это не устраивает»* (ПМА, интервью от 05.06.2007 г.). По ее же словам, при ближайшем рассмотрении это явление, квалифицируемое как скрытая безработица, обычно оказывается скрытой занятостью, часто на тех же позициях (подсобные рабочие, уборщицы), но в коммерческих структурах, с зарплатой «в конверте». Очевидно, что такая ситуация не является специфической для коренных жителей. Далее будет показано, что «этнически окрашенная» трудовая деятельность аборигенов-горожан существует главным образом в поле межэтнических

взаимодействий, а часть профессиональных мест специально обустроена окружающим обществом именно для такого диалога.

Аборигенная этничность в городе: формы проявления

В городской местности представители КМНС составляют, как правило, меньшинство, а в областном центре их доля в общей численности составляет 1,33%. Аборигены-магаданцы, таким образом, растворяются в преобладающей массе окружающего населения, и в повседневной жизни практически не видны. Их этничность в глазах широкой общественности проявляется лишь эпизодически и, как правило, в культурном формате; профессионалам также видна их принадлежность к КМНС, реализуемая в постоянной трудовой занятости (основной и/или вспомогательной); а вот особенности поведения, проявляющиеся в обыденной сфере, известны лишь небольшому кругу тех, с кем они постоянно живут и общаются. Следовательно, способы реализации этнической отличительности в условиях города различаются не только по их месту и значению в жизни самих аборигенов, но и по масштабу представленности в общегородских культурных и социальных процессах. Исходя из таких посылок, можно выделить три уровня проявления аборигенной этничности: обыденный, публичный и профессиональный.

Обыденный уровень включает такое этнически обусловленное поведение, которое затрагивает непосредственно самих представителей КМНС и их ближайшее окружение (семья, друзья); решения здесь принимают сами люди, следуя собственным желаниям и убеждениям, но не обращаясь к особым правам. К этому уровню относится сохранение устоявшихся привычек в питании, ритуальное поведение, трудовые предпочтения, сезонные перемещения. Яркой чертой является приверженность коренных горожан рыбному столу: по словам информантов, им необходима *«хотя бы одна рыбина в день»* на семью из 4 человек (ПМА, интервью от 10.04.2006 г.). Под «рыбиной» имеются в виду лососи крупных размеров (кета, кижуч), если же речь идет о более мелкой горбуше, то их нужно две штуки. Рыба употребляется в соленом, вареном, жареном виде, очень любят вяленую юколу. Те из коренных горожан, кто не утратил связи с родственниками-сельчанами, получают от них в качестве гостинцев юколу, оленье мясо. Но потребность в оленине все же не так остра – ее можно заменить другими видами мяса, тогда как замену блюдам из красной рыбы найти трудно.

Далее, отдельные люди, чаще старшего и пожилого возраста, проживая в городе, продолжают совершать некоторые ритуалы: например, кормление огня при выезде «на природу» во время сбора дикоросов, охоты, рыбалки. Для этого готовят приношение: в тканевый мешочек (целлофановый пакет) кладут кусочки хлеба, олений жир (сало, масло),

табак из сигареты, несколько бисерин, лоскут заячьей шкурки (клочок ваты), перемешивают, этим «кормят» первый и последний разведенный огонь (ПМА, интервью от 23.06.2001 г.). Схожий обряд, называемый *инэлвит*, проводят в случаях, вызывающих беспокойство (плохой сон, тревожное известие и др.) – указанное приношение ранним утром выбрасывают в окно, стараясь направить на восток. Некоторые коренные горожане имеют камни-амулеты *аняпель*, хранимые в кожаном мешочке, их регулярно «кормят», смазывая сливочным маслом.

Малораспространенной, но выразительной чертой проявления этнических предпочтений являются регулярные сезонные выезды из города. Недавние переселенцы летом едут в места исхода, в оленеводческие хозяйства, на рыболовецкие базы. Даже те, кто давно переехал в город, или родился здесь, зачастую ощущают притягательность этих мест, для них это своеобразная отдушина, освобождение от реалий города. Например, молодой горожанин-эвен поведал о том, что навсегда бы уехал в тайгу, если бы не маленькие дети, поскольку в городе он теряет смысл своей деятельности: «*В тайге нет обязательств... Жизнь обретает истинный смысл*» (ПМА, интервью от 08.02.2011 г.). Он также сообщил, что из профессиональных занятий ему больше всего нравилось заниматься геологической съемкой карты 200-тысячного масштаба, поскольку это связано с полевыми маршрутами, организуемыми в достаточно вольном режиме. А вот в горнодобывающей артели, где производственный процесс вписан в жесткие рамки, он работать не смог, несмотря на высокую оплату. Сейчас этот молодой человек работает на дому, при удобном случае старается выехать в отдаленную оленеводческую общину. Таким образом, сезонный выезд характерен для недавних переселенцев из сельской местности, хотя может проявляться и у аборигенов, давно проживающих в городе, но в силу тех или иных причин ощущающих себя здесь не вполне комфортно.

Если обыденные проявления этничности мало кому видны, то публичный уровень – это именно тот регистр, который формирует представления широких слоев горожан о культуре коренных народов региона. К публичным акциям относятся массовые этнические праздники; участие аборигенов в значимых социальных и культурных мероприятиях как группы с особым статусом (фестивали, первомайские демонстрации, парады); конференции и форумы «под знаком этничности»; выпуск этнически ориентированной литературы и газет. Как правило, мероприятия проходят с определенной периодичностью, так что частью постоянной культурной панорамы города стали: конференция по проблемам КМНС «Богоразовские чтения», Молодежный форум народов Севера, телевизионные передачи, ежеквартальная газета «Торэн», конкурс красавиц «Мисс Дюран». Широкое звучание получили ставшие «визитной карточкой» города Магадана два регулярно проводимых эт-

нических праздника – «Хэбдэнэк» и «Бакылдыдяк», основанные на эвенских традициях, правда, в сильно модернизированном виде. Эти публичные действия охватывают значительное число аборигенов-горожан, которые охотно принимают в них участие, а также привлекают большое число зрителей. Такого рода акции сопровождаются рекламой, получают освещение в СМИ.

Рис. 1. Современный этнический праздник «Бакылдыдяк» (на основе эвенского обряда встречи первой рыбы) собирает множество зрителей-горожан. Ньюклинская коса вблизи г. Магадана. 19.07.2009 г. Фото автора

Этническая публичность может быть проявлена лишь при выполнении некоторых условий, которым в наибольшей степени удовлетворяет среда небольших городов. Во-первых, данная форма презентации возможна только там, где есть «сцена» и «зрители», причем обе стороны обладают достаточной компетентностью о постановочном характере действий и принимают это как должное. Ничего подобного этническим праздникам нельзя даже вообразить в моноэтнических селах, зато в городской местности эти мероприятия пользуются неизменной популярностью у населения. Во-вторых, проведение этих мероприятий невозможно без привлечения внешних (то есть неаборигенных) организационных и финансовых ресурсов. Другими словами, если инициатива

устройства конференций, праздников, форумов и других акций и исходит от представителей КМНС, то средства для воплощения этих проектов в жизнь предоставляют государственные и, гораздо реже, общественные структуры. Надо сказать, что в таких вопросах органы власти с большой готовностью идут навстречу аборигенам, поскольку для них такие способы канализации этнической отличительности являются наименее проблематичными. И это понятно: за данный этнокультурный ресурс нет конкуренции со стороны неаборигенов, а потому нет острых дебатов, акции происходят в рамках, устраивающих все стороны.

Вместе с тем, хотя при устройстве публичных акций и нет внешней конкуренции, однако есть разброс мнений относительно формы и смысла показываемых феноменов культуры, ведь среди организаторов и участников оказываются люди разной этнической принадлежности, социального положения, с различным культурным опытом. То, что мыслится показывающим традицию «изнутри», может быть не вполне неадекватно восприятию представителей «внешней» стороны даже в аборигенной среде. Поэтому в ходе подготовки и проведения публичных этнических действий реализуется своего рода общественный консенсус по поводу конкретного наполнения и смысловой подоплеки поведения участников. Согласие достигается либо путем переговоров, либо волевым решением лиц, ответственных за проведение тех или иных мероприятий.

Дискуссии наблюдались, например, во время дебюта в Магадане праздника «Хэбдэнэк» (1997 г.), идея которого (встреча Нового года в период летнего солнцестояния) вначале показалась экзотичной. Инициатором проведения выступила этнический лидер, эвенка, которая побывала в соседней Якутии и находилась под впечатлением от увиденных там этнических мероприятий. Вместе с другими активистами ей удалось получить поддержку руководства области и города. Практическим руководством во многом послужила монография А. А. Алексеева (Алексеев, 1993), но некоторые сюжеты автор добавила, что называется, от себя. В частности, недоумение участников-аборигенов вызвало сжигание (а не оставление) ритуальной веревки *дэлбургэ*, но в дальнейшем они все же заявили, что такой обряд имеет право на существование (ПМА от 22-28.06.1997 г.). Существенные разногласия сопровождали выбор кандидатуры на роль шамана в празднике «Бакылды-дык»: согласно одному взгляду, это должен быть действительно «знающий» человек, хотя бы и без актерских навыков; другие же, в целях зрелищности, считали возможным привлечь профессионального артиста, в итоге победили сторонники артистизма.

Публичные акции, по определению, являются неаутентичными, напротив, они имеют целью организовать взаимодействие между представителями различных этнических и социальных кругов. Поскольку

необходимым их условием является диалог нескольких сторон, неизбежно происходит трансформация культурных явлений, выработка новационных форм и переосмысление привычных. Из-за численного преобладания в городе Магадане эвенов, а также почти полной стертости визуальных различий большинства номенклатурно оформленных этнических групп (юкагиры, чуванцы, есейские якуты, ительмены=камчадалы), имеет место отчетливая «эвенизация» публичной этнической сферы в таких хорошо наблюдаемых признаках, как костюм, жилище, обряды. Этнические активисты шьют одежду, стилизованную под эвенский костюм, тем более, что при его изготовлении можно обойтись без оленьей кожи и меха, почти недоступных в городе. При проведении праздников сооружают «эвенские» юрты и чумы с матерчатыми и даже полиэтиленовыми покрывками. Некоторые обряды инсценируют: священный огонь зажигают, плеснув на дрова бензин; вместо оленьей крови используют разведенную алую акварель, кусочки приносимых в жертву животных заготавливают заранее.

Рис. 2. Горожане фотографируются с аборигенами, одетыми в современную этническую одежду в стиле эвенского традиционного костюма (распашной кафтан, передник, капор, торбаса). Нюклинская коса вблизи г. Магадана. 19.07.2009 г. Фото автора

Об аборигенах судят, в основном, именно по этим ярким признакам, внешнему глазу в условиях города не видны глубинные этнические

различия, поэтому происходит своего рода «обобщение» этнического лица коренных жителей-горожан. В результате формируются определенные стереотипы, ожидания, по принципу обратной связи оказывающие влияние на этнический облик городских аборигенов, который все более гомогенизируется, усредняется. Далее процесс трансформации культуры идет сверху вниз: глядя на город, такие акции начинают проводить в районных центрах, других крупных поселениях, откуда приезжают специалисты учиться и перенимать опыт.

Подспудно, но вполне отчетливо трансформируется этнонимия: конкретная этническая принадлежность хотя и фиксируется в поименном учете, который ведут специалисты администраций и активисты общественных организаций, но из официального и даже публичного дискурса вытесняется общим термином «коренные малочисленные народы Севера (КМНС)». Совсем не исключено, что этот внешний квазиэтноним может стать самоназванием, ведь приняли в свое время охотские камчадалы навязанный этноним ительмены. По сути, речь идет о гибридных культурных формах, возникающих как результат *этнического резонанса* (Хаховская, 2008. С. 5), который понимается нами как ответ на ситуации многостороннего межэтнического взаимодействия, влекущий появление новационных для контактирующих сторон форм реализации внутреннего потенциала этничности.

Несмотря на наглядность публичной сферы, эти акции все же являются разовыми, дискретными, существенно большее значение для поддержания этнической отличительности аборигенов оказывает профессиональный уровень, ведь профессионалы ведут свою работу постоянно. Сама ситуация контакта культур делает запрос на посредников, модераторов, представляющих культуру меньшинств перед окружающим социумом. Формируется слой специалистов, осуществляющих своего рода «перевод» культуры на язык воспринимающего большинства. Профессионализация городского аборигенного общества приводит к формированию элиты, особых специалистов по взаимодействию, и эти процессы определяют современный этнокультурный облик магаданских аборигенов. С известной долей условности, среди аборигенов можно выделить четыре социальные роли профессионалов, определенным образом организующих этнические процессы в городском пространстве: чиновник, культработник, свободный художник, предприниматель. Разумеется, эти позиции могут перекрываться: чиновник чаще всего смыкается с предпринимателем, иногда с культработником, редко со свободным художником. Культработник, в свою очередь, вполне может быть свободным художником.

Чиновник – это человек, профессионально работающий в сфере представительства и защиты интересов КМНС в структурах власти, государственных и общественных организациях. Работа является опла-

чиваемой, или, реже, ведется на общественных началах, но и в этом последнем случае тесно примыкает к официальной деятельности. Право чиновников на подобную деятельность обусловливается подразумеваемой возможностью представлять, говорить от имени «своего народа», своеобразным делегированием этничности по социальной вертикали. В пределах слоя чиновников происходит укрепление и горизонтальных связей между представителями разных этнических групп и профессионалами, специализирующимися в различных сферах. Чиновники занимают официальные должности специалистов по «национальным вопросам» в районных, городской и областной администрациях, являются представителями аборигенов (по выделенной квоте) в городском и областном органе законодательной власти.

Рис. 3. Любовь Элрика, сотрудница районной администрации, выступает на I областном Молодежном форуме народов Севера. Г. Магадан, 26.10.2007 г.
Фото автора

К этой группе относится и верхушка общественных организаций КМНС – председатели и активисты Ассоциаций малочисленных народов и этнических групп Севера (АМНиЭГС) всех уровней, от села до города и области. Ассоциации построены по жесткой иерархической схеме, отчасти копирующей устройство государственной власти. Они имеют постоянно действующие выборные органы и периодически со-

зываемые представительские структуры. Ассоциации обладают определенным политическим весом, связаны с соответствующими структурами власти и находятся под их контролем. Создание Ассоциаций шло сверху – первой была учреждена областная (ноябрь 1992 г.), за ней последовали районные, поселковые и сельские, но процесс этот был длительным. По такой же схеме формировалось молодежное крыло Ассоциаций: областная организация создана первой (июнь 2004 г.).

Активисты ассоциаций, как и государственные чиновники, опираются на полномочия, которые делегированы всей их социальной базой, и эта связь прослеживается отчетливо, так как делегирование происходит хотя и неявно, но строго регулярно и акционально, в форме ежегодной перерегистрации коренных жителей в Ассоциациях по месту жительства. Перерегистрация же необходима людям для получения индивидуального разрешительного билета на вылов красной рыбы. Прерогативой ассоциаций, кроме того, является выдача справок о коренной этнической принадлежности, которые нужны, например, для получения бесплатных лекарств, зубопротезирования или поступления в вузы на льготных основаниях. Несколько огрубляя ситуацию, можно сказать, что систему самоорганизации аборигенов в форме Ассоциаций поддерживают государственные льготы, предусмотренные для коренных жителей. Такая включенность в этнические процессы дает ассоциациям достаточно широкие организационные возможности: многие активисты одновременно являются этническими предпринимателями, учредителями национальных предприятий и родовых общин; ассоциации служат поставщиками кадров для государственных структур, учреждений образования и культуры. Другими словами, из активистов ассоциаций формируется этническая элита – тот слой аборигенов, которой нацелен на этномаркированную деятельность.

К группе *культурработников* относятся профессионалы в сфере культуры – преподаватели этнических языков в школах и вузах, руководители кружков художественной самодеятельности и народного декоративно-прикладного искусства, работники краеведческих музеев, этноориентированной досуговой сферы, руководители и артисты фольклорных коллективов. Именно эти профессионалы формируют то лицо городской аборигенной культуры, которое наблюдается во время массовых публичных акций – они шьют костюмы, репетируют действия, взаимодействуют со СМИ. Работодателем здесь, как и в первом случае, выступает государство.

Непосредственное отношение к аборигенной культуре имеют и *свободные художники*, но с той существенной разницей, что представители этой группы являются, по сути дела, частными предпринимателями, хорошо чувствующими конъюнктуру и работающими на рынок. Основное занятие – косторезный промысел и шитье кожно-меховых изде-

лий; к этой же группе можно отнести самодельных этнических писателей, пишущих на русском языке. Таких людей немного, и главный источник их дохода, как правило, другой (пенсия, заработок по основному месту работы). Деятельность свободных художников вышла за рамки традиции и переместилась в сферу бизнеса, это люди, ищущие и набирающие творческий багаж из разных культур. Сильное давление рынка переориентирует даже традиционно настроенных людей на изменение привычных культурных артефактов. По словам магаданца (русского), который шьет головные уборы в этностиле корякских малахаев и заказывает бисерные розетки для их украшения аборигенкам, он перебрал много мастериц, прежде чем остановился на двух (мать и дочь), но и их ему пришлось *«пять лет перевоспитывать, чтобы они научились шить то, что пользуется спросом»* (ПМА, интервью от 27.09.2014 г.).

Рис. 4. Николай Беломоин, руководитель фольклорного коллектива «Нгерин», исполняет роль шамана на этническом празднике «Бакылдыдяк». Ньюклинская коса вблизи г. Магадана. 26.08.2007 г. Фото автора

Опора на частную инициативу объединяет свободных художников с этническими *предпринимателями* – руководителями национальных предприятий (с начала 2000-х гг. – родовых или территориально-соседских общин). Сферу их деятельности принято определять как тра-

диционное природопользование, в действительности же в деловом поведении аборигенов-предпринимателей традиционность как таковая не является определяющим ориентиром, напротив, прослеживается приоритет экономической целесообразности перед другими целями. Поэтому этнические предприятия создаются в тех отраслях, продукция которых востребована рынком и приносит прибыль – это, прежде всего, рыболовство, отчасти пушная охота. В 1990-х гг. в Магаданской области аборигенные предприятия действовали в форме хозяйствующих субъектов аборигенов (ХСА), после принятия федеральных законов о правах коренных народов Севера ХСА переформились в общины, как правило, родовые (РО).

Данная группа аборигенов-горожан самая многочисленная и активная из числа тех, кто профессионально связан с реализацией особого статуса КМНС. Именно этнические предприниматели озвучивают право КМНС на льготы, связанные с приоритетным использованием биоресурсов, критикуют действия органов власти в этой сфере: *«Я бы хотела, чтобы возродили, помощь оказали на возрождение традиционных промыслов – оленеводство, рыболовство и охота. Сейчас у нас еще практически земли свободной нет. Как оказалось, хозяйства ликвидировались, остались свободные земли и сейчас они все заняты, заняты в основном русскоязычным населением»* (ПМА, интервью от 11.04.2005 г.).

Борьба за этническую чистоту в промыслах и свободу от «русскоязычного населения» является все же не чем иным, как риторикой и нежеланием публично признавать реальное положение вещей – предприниматели-аборигены участвуют в производственной цепочке главным образом как поставщики сырья, именно поэтому не всегда, а точнее почти никогда они не выстраивают деловые взаимоотношения по этническому принципу – их партнерами по бизнесу обычно являются неаборигены. В окружающем сообществе поэтому появились свои специалисты по использованию этого этнического ресурса. Самый простой пример – скупщики сырья (свежая или мороженая рыба, икра, пушнина), добытого в ходе традиционного природопользования. Поскольку аборигенное предпринимательство далеко не всегда прозрачно (это отражение общей ситуации в стране), люди могут оказаться в сложных обстоятельствах: *«Пушнина – это же очень хорошее дело. Но оно в руках браконьеров, и не столько браконьеров, сколько нелегитимных предпринимателей некоренной национальности. Они кредитуют их [аборигенов], те потом ловят, потом они возвращаются, сдают шкурки, а эти их активно спаивают»* (ПМА, интервью от 08.04.2005 г.). Сильные игроки из числа аборигенов-предпринимателей поэтому предпочитают иметь четко обозначенные договорные отношения с бизнес-партнерами.

Этническое предпринимательство является основной ареной движения КМНС за ресурсы и статус. Конкуренция за ресурсы (речь идет о квотах на добычу лосося, правах на рыбопромысловые и охотничьи участки) идет между всеми промысловиками, независимо от их этнической идентичности, а потому является очень острой. Во второй половине 2000-х гг., после принятия ряда федеральных законодательных актов о рыболовстве, рыболовецкие аборигенные предприятия лишились преференций, численность их значительно уменьшилась, поэтому острота конкуренции снизилась, но вызвала большое социальное напряжение среди коренных жителей, считающих, что их права ущемили.

В настоящее время реально действующими являются лишь те рыболовецкие предприятия аборигенов, которые вылавливают «социальную рыбу», т. е. ведут промысел по индивидуальным разрешительным билетам коренных жителей, неспособных рыбачить самостоятельно. Но многие аборигены-предприниматели хотели бы вернуться к прежним условиям природопользования, поэтому борьба за доступ к водным биоресурсам в настоящее время приняла вид законодательных инициатив, направленных на восстановление льгот для аборигенных предприятий, а также изменение статуса родовых общин. Социальные же льготы в городе аборигены отстаивают, фактически выступая за пересмотр содержания термина «место компактного проживания КМНС».

Статус аборигенов в городе: ревизия категорий

Движение коренных жителей за особые права, связанные с этничностью, в настоящее время приобретает отчетливую форму терминологической ревизии, переосмысления понятий, очерчивающих круг этих прав. Это хорошо видно на примере таких категорий, как «родовая община» и «место компактного проживания КМНС».

Родовая община рассматривается в законодательстве РФ, по сути, как общественная организация по поддержанию традиционного образа жизни, деятельность которой не предусматривает какого-либо экономического эффекта. Такое видение подвергается критике со стороны аборигенов, пытающихся придать ей именно экономический характер. Этнические лидеры считают недостатком положение закона, запрещающее родовым общинам «делать из денег деньги», т.е. работать ради прибыли. Высказывается мнение, что это ведет *«к возврату средневековых условий существования, средневековых методов хозяйствования. Статус некоммерческой организации не дает предприятиям развиваться, и его нужно приводить в соответствие с современными условиями хозяйствования»* (ПМА, интервью от 13.02.2007 г.). Таким образом, лидеры магаданских аборигенов выступают за пересмотр содер-

жания понятия «община», считая нынешнее его прочтение ограничивающим их возможности по использованию природных ресурсов, прежде всего в сфере рыболовства.

Коммерциализация рыбного промысла приводит и к внутриэтническим конфликтным ситуациям. Еще совсем недавно, когда выделялись бесплатные квоты на вылов красной рыбы, между родовыми общинами шла конкурентная борьба за доступ к ним: сталкивались интересы сильных родовых общин, имеющих некоторые материальные и административные ресурсы, и общин-«однодневок», возникающих каждый год перед началом путины. Основным был вопрос: как делить общую квоту? Руководители более сильных предприятий претендовали на увеличенные доли, тогда как главы «однодневок», которых намного больше, ратовали за уравнительный принцип, когда каждому доставалась квота в 2-3 тонны. Ассоциация в этих условиях лоббировала интересы крепких общин. Важно, что председатели и ряд активистов городской и областной ассоциаций являются учредителями рыболовецких национальных предприятий и общин, так что они не могут считаться нейтральной стороной. Более того, руководители ассоциаций предлагали ужесточить саму процедуру оформления родовых общин: учитывать не только надлежащее оформление документов, но и личность заявителя и его предыдущую деятельность, а экспертами в этом должны были выступать члены ассоциаций, то есть, по существу, они сами.

Таким образом, реальная точка зрения этнических лидеров на родовую общину расходится с официальным мнением о ней как институте традиционном, эгалитарном и некоммерческом. Дело, правда, осложняется тем, что активисты из числа КМНС, говоря о родовых общинах, в ряде случаев охотно прибегают к риторике традиционности, затушевывающей эту их желаемую сущность. Такое видение является неоднозначным, ситуационным, обусловленным теми или иными внешними обстоятельствами, другими словами, *резонансным*: этническая культура коренных меньшинств приобретает вариативное, а подчас и альтернативное содержание под влиянием различных аспектов деятельности большинства, обустроивающей эту этничность. Как *этнический резонанс* правомерно рассматривать деятельность городских активистов по присвоению областному центру статуса «место компактного проживания КМНС»: по существу, параллельно процессу физического освоения и (если воспользоваться распространенной сегодня терминологией) «колонизации» аборигенами среды обитания некоренного, так называемого пришлого населения, идет освоение нематериального пространства, вызванное внешними импульсами.

О том, что аборигены в городской черте являются элементом «пришлым», свидетельствуют факты истории: Магадан как населенный пункт является искусственным образованием, появившимся в конце

1920-х гг. в качестве «входных ворот» к золотым недрам края. Само расположение Магадана «антиаборигенно»: коренные жители здесь не жили. Они тяготели к другим местам: рекам, богатым рыбой и бухтам, удобным для морского зверобойного промысла – именно там исторически складывались поселения аборигенов. Глубоководная бухта Нагаево, на берегах которой начал строиться город, подходила прежде всего в транспортном отношении – здесь могли приставать крупнотоннажные суда. Для жизни людей эта местность неблагоприятна, поэтому изначально Магадан строился как временный пункт перевалки грузов, а центр намеревались перенести вглубь территории, поближе к золотым приискам. Однако по целому ряду причин этого не произошло.

В последние десятилетия, когда город в социально-экономическом отношении стал самым благоприятным местом региона, он притягателен для аборигенов. Резонансным событием для их борьбы за статус места компактного проживания является Распоряжение Правительства РФ о перечне мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов России (№ 631-р от 08.06.2009 г.). Проживание в местах, включенных в этот перечень (Магадан в него не попал) дает ряд льгот, в частности, право досрочного получения социальной пенсии. Вполне естественно, что в условиях безработицы (или неофициальной трудовой занятости) эта льгота является крайне актуальной, движение набирает обороты, но сталкивается с затруднениями концептуального свойства.

Реально коренные жители в городе проживают разрозненно, в основной своей массе не контактируют непосредственно, не выстраивают общих хозяйственных и иных связей. Действительные контакты аборигенов здесь происходят на уровне микросреды человека, ограниченной в основном рамками места его проживания и работы. Поэтому наполнить данное понятие убедительным для законодателя содержанием достаточно трудно, и здесь используют привычный путь ретроспективной традиционализации: территория современного Магадана осмысливается как место традиционного обитания аборигенов в прошлом, а для подтверждения данных представлений обращаются в научные учреждения с просьбой «*дать описание культовых и обрядовых мест, пастбища или маршруты кочевков, места стоянок, стойбищ*» (обращение Администрации Магаданской области № 37-СО от 11.04.2013 г.). Сейчас взаимодействие по данному поводу приняло форму консультирования и переговоров с государственными и научными учреждениями.

Заключение

Городская среда в контексте рассматриваемой темы характеризуется как пространство взаимодействия культур аборигенов и окружающего большинства, ситуации контактов при этом являются разноплановыми

и усложняющимися. Наличие нескольких сторон и множественных планов взаимодействия приводит к тому, что развитие этнических культур в условиях города происходит посредством деятельности особого слоя профессионалов-модераторов, среди которых можно условно выделить такие социальные позиции, как чиновники, культработники, свободные художники и предприниматели. Представители этих групп, во-первых, находятся в тесном сотрудничестве с неаборигенными структурами (в том числе органами власти), во-вторых, зависят от восприятия их деятельности окружающим населением, и, в-третьих, аккумулируют этнические полномочия самим фактом своего расположения на переднем крае этномаркированных взаимодействий.

На наш взгляд, основной механизм формирования аборигенной этничности в городской среде заключается в продвижении культурных практик и артефактов, в основном, в результате взаимодействий, которые ведутся через государственную, культурную, просветительскую и образовательную деятельность, партнерство по бизнесу, заинтересованность окружающего населения. В окружающем социуме создаются и работают специальные структуры, задачей которых является организация таких диалогов, при этом со стороны государства в большей степени поощряются социально благоприятные направления, то есть такие, в которых отсутствует или ослаблена конкуренция, по отношению к которым выработано согласие между этническими активистами. Вследствие такой избирательности окружающее сообщество воспринимает культуру меньшинства не «сплошным слоем», а в виде отдельных, дискретных элементов, к тому же сильно трансформированных. В результате ткань культуры распадается на составляющие компоненты, которые переформируются и воссоединяются в новых конфигурациях.

Демонстрация аборигенной культуры в городе обычно выступает как ответ на запрос, на ситуацию взаимодействия, а не сама по себе, как традиция в чистом виде. В городской среде аборигенная культура становится все более элитарной, то есть культурой, которую вырабатывают профессионалы. Прослеживаются и квазиэтнические подвиги: стирание специфики «номенклатурных» групп при возрастании влияния эвенской культуры как лидирующего среди городских аборигенов «этноса»; активное внедрение в дискурс обобщающего квазиэтнонима «КМНС».

Становится очевидным, что реализация отличительности КМНС в городской среде происходит на смещенной, а в пограничных случаях на принципиально иной основе, нежели в тех местах их обитания, которые складывались исторически. Таким пограничным случаем является, например, коллективный статус представителей КМНС как аборигенов именно городского пространства: на примере Магадана хорошо видно, что городская аборигенная этничность, претендующая быть, хо-

тя бы по определению, традиционной, формируется на «чужом поле», а именно в нетрадиционной среде города-новообразования, само место расположения которого первоначально связано с транзитом, временно-стью. Эта «новая этничность», в рамках освоения статусных льгот, определяет Магадан местом компактного проживания КМНС исходя не из наличного их присутствия здесь, а из желаемой ретроспективной укорененности.

Наблюдения именно городского пространства, ситуаций постоянных диалогов и конкуренций привело автора к формулированию эффекта этнического резонанса, позволяющего видеть в облике аборигенов гибридные культурные формы, проследить их источники и контексты.

Литература

- Алексеев А.А.* Забытый мир предков: Очерки традиционного мировоззрения эвенков Северо-Западного Верхоянья. Якутск: Ситим, 1993.
- В поисках себя: Народы Сибири и Севера в постсоветских трансформациях / Отв. ред.: Пивнева Е.А., Функ Д.А. М.: Наука, 2005.
- Крайний Север: Особенности труда и социализации человека: биография, вахтовый труд и социализация человека в северном индустриальном городе. Материалы научно-практической конференции в г. Новый Уренгой, Россия, 4-6 декабря 2008 г. / Ред.: Штаммлер Ф., Эйльмштейнер-Саксингер Г. 2010. (<http://www.arcticcentre.org/anthropology>)
- Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России / Отв. ред.: Новикова Н.И., Функ Д.А. М.: ИЭА РАН, 2012.
- Соколовский С.В.* Современный этногенез или политика идентичности // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 77–83.
- Справочник численности населения Магаданской области на 1 января 1991 г. Магадан: Областное управление статистики, 1991.
- Справочник численности населения Магаданской области на 9 октября 2002 года (предварительные данные). Магадан: Магаданстат, 2003.
- Национальный состав населения Магаданской области (по данным переписей населения). Магадан: Магаданстат, 2005.
- Хаховская Л.Н.* Коренные народы Магаданской области в XX – начале XXI в. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2008.
- Anderson D.G.* Identity and ecology in Arctic Siberia: The number one reindeer brigade. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Goffman E.* The nature of difference and demeanor // *American Anthropologist*, 1956. № 58 (3). P. 473–502.
- Goffman E.* Strategic Interaction. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1969.
- Habeck J.O. & Ventsel A.* Consumption and popular culture among youth in Siberia. *Zeitschrift für Ethnologie*, 2009. № 134. P.1-22.
- Kasten E.* The Dynamics of Identity Management // *Rebuilding Identities: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia* / Ed. E. Kasten. Berlin, 2005. P. 237–260.
- King A.* Living with Koryak Traditions: Playing with Culture in Siberia. Lincoln, London: University of Nebraska Press, 2011.
- Schlee G.* Ruling over Ethnic and Religious Differences: a comparative essay on empires // Max Planck Institute for Social Anthropology. Working Papers No. 143. Halle / Saale, 2013. P. 1-36.

- Tajfel H. Social identity and intergroup behaviour // *Social Science Information*, 1974. № 13. P. 65-93.
- Turner J. C. Social comparison and social identity: some prospects for intergroup behavior // *European Journal of Social Psychology*, 1975. № 5. P. 1-34.

Статья поступила в редакцию 14.01.2014 г.

Lyudmila Khakhovskaya

ABORIGINES AND THE CITY: THE ETHNO-CULTURAL PROFILE OF RESIDENTS OF MAGADAN

Abstract. The paper presents the results of author's research into contemporary ethno-cultural processes regarding indigenous people of the North residing in Magadan. The factual material produced during fieldwork is considered within the theoretical understanding of contemporary identities, migration flows, urban micro stories, and everyday life. Based on the prevailing cultural practices, there have been defined a few levels of manifestation of ethnic distinctiveness by aboriginal people of the North in the urban space. It is shown that ethnically oriented activities in the city are carried out by certain specialists in interethnic interaction, among who there are such social players as officials, culture workers, independent artists, and entrepreneurs. The mechanism of formation and support for indigenous ethnicity consists in the promotion of cultural practices and artifacts by external means, through state action, support for business partners, and the engagement of the surrounding population. Explained is the effect of "ethnic resonance" as a response to interethnic interaction resulting in the culture of indigenous people of the North being constantly reformatted, thus gaining a novel content.

Key words: indigenous people of the North; aborigines; the region of Magadan; urbanization; ethnicity; contemporary processes; social roles; ethnic leaders.

References

- Alekseev A.A. *Zabytyi mir predkov: Ocherki traditsionnogo mirovozzreniia evenov Severo-Zapadnogo Verkhoyan'ia* [Forgotten world of ancestors: Essays on the traditional worldview of Evens of the North-West Verkhoyansk]. Yakutsk: Sitim, 1993.
- V poiskakh sebja: Narody Sibiri i Severa v postsovetskikh transformatsiakh* [In search of yourself: Peoples of Siberia and the North in the post-Soviet transformations], Eds. Pivneva E.A., Funk D.A. M.: Nauka, 2005.
- Krainii Sever: Osobennosti truda i sotsializatsii cheloveka: biografiia, vakhtovyi trud i sotsializatsiia cheloveka v severnom industrial'nom gorode* [The Far North: Features of labor and socialization: biography, shift work and socialization of a person in a northern industrial city]. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii v g. Novyi Urengoi, Rossiia, 4-6 dekabria 2008 g., Eds. Shtammler F., Eil'mshsteiner-Saksinger G., 2010. (<http://www.arcticcentre.org/anthropology>)
- Sever i severiane. Sovremennoe polozhenie korenykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii* [North and northerners. Present situation of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Russian Far East], Eds. Novikova N.I., Funk D.A. Moscow: IEA RAN, 2012.
- Sokolovskii S.V. Sovremenniy etnogenez ili politika identichnosti [Modern ethnogenesis or identity policy], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2012, no. 2, pp. 77-83.
- Spravochnik chislennosti naseleniia Magadanskoi oblasti na 1 ianvaria 1991 g.* [Reference book of population of Magadan region on January 1, 1991]. Magadan: Oblastnoe upravlenie statistiki, 1991.
- Spravochnik chislennosti naseleniia Magadanskoi oblasti na 9 oktiabria 2002 goda (predvaritel'nye dannye)* [Reference book of population of Magadan region on October 9, 2002 (preliminary data)]. Magadan: Magadanstat, 2003.

- Natsional'nyi sostav naseleniia Magadanskoi oblasti (po dannym perepisei naseleniia)* [National composition of the population of Magadan region (according to the census)]. Magadan: Magadanstat, 2005.
- Khakhovskaia L.N. *Korennye narody Magadanskoi oblasti v XX – nachale XXI v.* [Indigenous people of Magadan region in XX – early XXI centuries]. Magadan: SVNTs DVO RAN, 2008.
- Anderson D.G. *Identity and ecology in Arctic Siberia: The number one reindeer brigade.* Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Goffman E. The nature of difference and demeanor, *American Anthropologist*, 1956, no. 58 (3), pp. 473–502.
- Goffman E. *Strategic Interaction.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1969.
- Habeck J.O. & Ventsel A. Consumption and popular culture among youth in Siberia, *Zeitschrift für Ethnologie*, 2009, no. 134, pp.1-22.
- Kasten E. The Dynamics of Identity Management, *Rebuilding Identities: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia.* Ed. by E. Kasten. Berlin, 2005, pp. 237–260.
- King A. *Living with Koryak Traditions: Playing with Culture in Siberia.* Lincoln, London: University of Nebraska Press, 2011.
- Schlee G. Ruling over Ethnic and Religious Differences: a comparative essay on empires, *Max Planck Institute for Social Anthropology. Working Papers No. 143.* Halle / Saale, 2013, pp. 1-36.
- Tajfel H. Social identity and intergroup behavior, *Social Science Information*, 1974, no. 13, pp. 65-93.
- Turner J. C. Social comparison and social identity: some prospects for intergroup behavior, *European Journal of Social Psychology*, 1975, no. 5, pp. 1–34.